

Къ происхожденію иконы и праздника Покрова

Праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы до сихъ поръ представляетъ собой загадку русской литургики. Необычайно прочно укрѣпившійся въ практикѣ русской церкви и укоренившійся въ сознаниі и быту русскихъ православныхъ, онъ доселѣ не имѣетъ одинаго и точнаго опредѣленія своей сущности и значенія, не нашелъ еще, за отсутствіемъ достаточныхъ данныхъ въ древней письменности, ни даты, ни причины своего установленія. Праздникъ этотъ появляется на Руси явочнымъ порядкомъ въ концѣ 12 в. и въ 13 вѣкѣ властно входитъ въ литургическую практику русской церкви черезъ иконныя изображенія, храмоздательство и словесныя творенія.

Нѣсколько попытокъ опредѣленій мѣста зарожденія и времени установленія праздника были сдѣланы въ разныя времена. Парадоксомъ звучитъ то, что болѣе поздніе изслѣдователи, вопреки разъяснительнымъ попыткамъ древнихъ вѣковъ, находятъ при опредѣленіи мѣста и времени возникновенія праздника совершенно противоположныя имъ единственно возможныя рѣшенія, собранныя изъ краткихъ историческихъ данныхъ. Этотъ парадоксъ долженъ имѣть свое объясненіе какъ въ томъ, что уже въ 15 вѣкѣ причина установленія праздника забылась, такъ и въ нѣкоторомъ легкомысліи старавшагося дать объясненіе смысла праздника, автора русскаго пролога на Покровъ.

Наша служба Покрову ясно отмѣчаетъ появленіе праздника на русской почвѣ, «въ Русьтѣй земли». Служба эта въ своей цѣлокупности входитъ въ практику въ 14 в., а тропарь и кондакъ въ 13 в. (1). Въ 15 в. Пахомій Сербъ дѣлаетъ корректуру этого сообщенія службы, въ проложномъ сказаніи, вошедшемъ въ Великія Четьи Минеи (Т. 4, стр. 19)) Макарія, сообщая, что «царь и патріархъ Царяграда оставиша праздновати сей праздникъ».

Однако, ни греческіе памятники, ни показанія нашихъ древнихъ паломниковъ, ни нынѣшняя греческая практика, не сохранили и слѣда о такомъ праздникѣ въ Константинополѣ.

Въ поискахъ объясненія такому заявленію Пахомія Е. Голубинскій (2) допускаетъ догадку, что Пахомій, работавшій по порученію правительства, этимъ заявленіемъ хотѣлъ возвысить значеніе праздника въ глазахъ Россіянъ. Эта догадка является весьма шаткой, такъ какъ она не объясняетъ, почему именно этотъ, а не другой праздникъ надо было возвысить, да еще такой мѣрой, которая не примѣнялась къ уже ранѣе возникшимъ и занявшимъ прочное мѣсто въ русскомъ кален-

даръ праздникамъ, не искавшимъ своихъ корней установленія у патріарха въ Константинополь (напр., перенесеніе мощей св. Николая 9 мая и осенній Юрій). Намъ кажется болѣе вѣроятнымъ предположеніе, что Пахомію извѣстна была икона Покрова въ сложной композиціи, съ царемъ и патріархомъ на ней. Эта икона Новгородскаго извода, — а Пахомій, по преимуществу, и работалъ въ Новгородѣ, — дошла до насъ и датируется она 15 вѣкомъ. Была ли она первоначальной или же представляла копию не дошедшаго до насъ образца? Съ другой стороны, Пахомію знакомо было распространенное на Руси житіе преп. Андрея Юродиваго, въ которомъ излагается эпизодъ явленія Богоматери во Влахернахъ. Въ разсказѣ житія нѣтъ и намекъ на присутствіе при этомъ обстоятельствѣ царя и патріарха.

Вслѣдъ за Пахоміемъ и архіеп. Филаретъ⁽³⁾ считаетъ праздникъ установленнымъ сразу же послѣ видѣнія Андрея въ Константинополь. Это же повторяетъ и «Иконописный подлинникъ 18 вѣка»⁽⁴⁾, относя установленіе праздника къ 6611 г., т. е. 1103, «во дни царя Льва премудраго» (умеръ въ 912 г.). Указаніе это помѣщается и въ мѣсяцесловѣ Слѣдованной Псалтири.

Всѣ позднѣйшіе изслѣдователи единодушны въ томъ, что праздникъ Покрова, неизвѣстный въ Греціи, несмотря на свою чисто Константинопольскую тему, возникъ и прославленъ на Руси. Въ этомъ мнѣніи категориченъ ученый изслѣдователь календарей, святцевъ и мѣсяцеслововъ Востока, архіеп. Сергій, разсматривавшій въ специальной статьѣ въ «Странникѣ» 1909 г. т. 3 «Св. Андрей, Христа ради юродивый и праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы» время установленія праздника. По выводамъ его, праздникъ установленъ въ Кіевѣ въ первой половинѣ или около начала 12 в. какимъ то княземъ вмѣстѣ съ митрополитомъ, назначившими празднованіе, какъ обще-россійское. Это утвержденіе преосв. Сергія справедливо лишь отчасти и въ общихъ выводахъ. Закрѣпленіе праздника говоритъ, что установленъ онъ былъ кѣмъ то, имѣвшимъ болышой вѣсъ въ жизни Руси, но для вывода, что установленіе произошло въ Кіевѣ, достаточныхъ основаній не имѣется, да и не указана причина такого установленія.

Основной выводъ преосв. Сергія подкрѣпляется и Е. Голубинскимъ⁽⁵⁾. Онъ даже расширяется нѣкоторыми бѣглыми замѣчаніями о причинахъ возникновенія праздника. Голубинскій обращаетъ вниманіе на то, что на Руси были устрояемы храмы въ честь Положенія Ризы Богоматери, т. е. въ честь Влахернскаго храма. Настоятель какой либо Ризоположенской церкви, скорѣе всего какого либо знаменитаго монастыря, и установилъ праздникъ. Догадка эта лишь подходитъ къ истинѣ, лежащей нѣсколько глубже. Въ самомъ дѣлѣ трудно допустить, чтобы настоятель даже значительнаго монастыря, назначилъ бы къ храмовому дню, 2 іюля, нѣкоторый дублетъ или дополнительный праздникъ почти того же смысла. Если бы это и случилось въ какомъ либо мѣстѣ, то почему же праздникъ сталъ общероссійскимъ? Наша служба не упоминаетъ объ обители, какъ это постоянно бываетъ у насъ со службами, прославляющими святаго или событіе, происшедшее въ монастырѣ (см., напримѣръ, службу Тихвинской иконѣ Божія Матери). Наша служба говоритъ объ одномъ князѣ и объ одномъ градѣ. Голу-

бинскій относить установленіе праздника къ періоду домонгольскому и упоминаетъ Богородичные храмы Новгорода и близъ Владиміра, не рѣшаясь признать ихъ Покровскими за отсутствіемъ точнаго наименованія ихъ во-имя въ лѣтописяхъ. Вскользъ упоминаетъ Голубинскій и имя Андрея Боголюбскаго. Это упоминаніе послужило безимянному автору статьи въ «Приходскомъ Читеніи» № 19, 1911 г. (приложеніе къ «Церковнымъ Вѣдомостямъ»), придти почти къ рѣшительному выводу, что именно Андрей Боголюбскій установилъ праздникъ Покрова послѣ завоеванія Кіева въ 1165 г. Авторъ именуеъ церковь на Нерли, построенную Андреемъ, Покровской. Такое утвержденіе укрѣпилось въ работахъ почти всѣхъ изслѣдователей иконографіи.

Всѣ приведенныя мнѣнія позднѣйшихъ изслѣдователей говорятъ, такимъ образомъ, о зарожденіи праздника въ домонгольскій періодъ на Руси, въ частности на сѣверо-востокѣ ея, во времена Андрея Боголюбскаго и даже по его инициативѣ. Всѣ доводы, приводящіе къ такимъ рѣшеніямъ, не могутъ имѣть прочности, пока не будутъ они подкрѣплены данными памятниковъ словеснаго и изобразительнаго искусства, непринятыми изслѣдователями во вниманіе. Только единовременное разсмотрѣніе данныхъ иконографіи, лѣтописей, проложныхъ сказаній и богослужебныхъ текстовъ можетъ пролить свѣтъ на стоящій передъ нами вопросъ.

Русское иконописаніе имѣетъ тѣснѣйшую связь съ литургическимъ творчествомъ. Темы и вдохновенія его исходятъ часто изъ литургическихъ гимновъ. Многія наименованія иконъ берутся изъ поэтическихъ прославленій. Это вполне понятно: икона служитъ для объясненія истинъ вѣры такъ же, какъ и тексты службъ. «Умозрѣніе въ краскахъ» зачастую можетъ распространить и расширить то, что не всегда ясно и понятно изъ текста. Службы же наши, въ свою очередь черпаютъ свое содержаніе, берутъ выраженія, изъ проложныхъ и даже лѣтописныхъ сказаній (см., напр., «жены моавитскія» въ службѣ св. кн. Александру Невскому).

Наши лѣтописныя сказанія излагались почти всегда подъ угломъ зрѣнія церковнымъ, ибо рождались они и исходили по преимуществу изъ монастырей или кафедральныхъ центровъ. Русь росла изъ православія и оно было ея двигающей силой, направлявшей въ раннія времена жизнь государства по особой религіозной стезѣ. Мы привыкли ко многимъ особенностямъ нашихъ вѣрованій, духа, стиля и темамъ художественнаго искусства и часто не задумываемся надъ источникомъ такихъ особенностей, скрытыхъ въ текстахъ лѣтописей, прологовъ и богослуженій, родившихся на нашей почвѣ. Между тѣмъ, въ разсмотрѣніи ихъ можно и должно искать разъясненія внутренняго смысла вопросовъ, толкованія которыхъ даются почти всегда на основѣ современныхъ воззрѣній и умозаключеній, часто отходящихъ отъ основоположительныхъ фактовъ.

Даже при добросовѣстныхъ изслѣдованіяхъ какого либо вопроса нашихъ вѣрованій изслѣдователи «бредутъ порознь», отыскивая лишь въ одной области рѣшенія ихъ. Изслѣдователи иконописанія мало принимаютъ во вниманіе словесное творчество и наоборотъ. Это отмѣчали такіе столпы, какъ Н. Лихачевъ, П. Айналовъ и Н. Кондаковъ, произ-

ведшіе въ своей области огромную работу и неуспѣвшіе разъяснить частные вопросы русскаго иконописанія: мы и доселѣ стоимъ передъ загадками, напримѣръ, образы Софіи, имѣющей разныя иконописныя передачи, дающія пути къ разному пониманію внутренняго смысла иконъ. Такой же, въ сущности, загадкой стоитъ передъ нами и иконное изображеніе событій «не своихъ, а чужихъ», по выраженію Голубинскаго, забытыхъ на родинѣ ихъ — въ иконѣ Покрова.

Тема праздника Покрова, несомнѣнно, взята была изъ греческаго источника — житія Андрея Юродиваго. Эпизодъ явленія ему Богоматери входитъ въ изложеніе его житія, весьма пространнаго и въ нашихъ прологахъ расположеннаго на нѣсколько дней октября. Житіе Андрея получило у насъ, въ самомъ началѣ его, добавленіе чисто русское, сообщающее о томъ, что праздникъ «установился праздновати октября въ первый день на память апостола Ананія». Прологъ конца 12 вѣка уже имѣетъ это указаніе, говорящее о томъ, что праздникъ это новый, недавно введенный къ то. Позже, въ 13 вѣкѣ, по указаніямъ преосв. Сергія, обслѣдовавшаго многочисленные списки, появляется и служба въ честь Покрова, заключающая нѣкоторыя данныя, помогающія уяснить основныя понятія, связанныя въ общемъ клубкѣ многихъ вопросовъ. Вѣрнѣе сказать, что въ 13 вѣкѣ существуетъ основа службы — тропарь (что и нынѣ), сама же полная служба выросла около этого тропаря въ честь иконы Покрова.

Иконное изображеніе, дошедшее до насъ, датируется обычно историками иконописанія 15-мъ вѣкомъ. Оно можетъ столкноваться въ отвлеченіи отъ данныхъ словеснаго творчества въ разныхъ смыслахъ — отъ упрощеннаго сюжета прославленія ризы Богоматери, ея покрыва, хранившагося во Влахернскомъ храмѣ, до внутренняго толкованія образа Покрова — заступленія, покровительства. Въ первомъ случаѣ изображеніе относится къ выраженію почитанія, такъ сказать, матеріальнаго и мѣстнаго, Влахернскаго, во второмъ — къ изложенію общей идеи заступленія. Эта идея даетъ и третье разумнѣе Покрова, какъ эпитета, имени самой Покровительницы. Выраженія нашихъ службъ позволяютъ видѣть въ иконѣ всѣ три эти понятія.

Въ нашей службѣ Покрову можно наблюдать несомнѣнную и традиционную литературную зависимость въ словупотребленіи отъ греческой службы въ честь положенія ризы Богоматери, 2 іюля. Составленная для Влахернской церкви въ 9 вѣкѣ, эта служба сама пользуется уже бывшими въ употребленіи въ греческой церкви эпитетами Богоматери — Покровъ — и «стѣна нерушимая». Эти выраженія, частыя въ октоихѣ, взяты изъ болѣе ранняго произведенія греческой церковной поэзіи — изъ акаѣиста. И въ нашей службѣ 14 вѣка, и въ службѣ Казанской иконѣ, писанной въ 17 в., патр. Гермогеномъ, мы найдемъ эти выраженія, принимаемыя въ разныхъ смыслахъ. Въ тропарѣ Казанской иконѣ, наряду съ выраженіемъ «въ державный Твой покровъ прибѣгающе», стоитъ и «Ты бо еси божественный Покровъ рабомъ Твоимъ». Это разумнѣе самой Дѣвы Покровомъ было общимъ намъ и грекамъ возрѣніемъ на служеніе Ея людямъ.

Въ греческой службѣ на 2 іюля прославляется и сама одежда — покровъ Богоматери. Греческая эта служба имѣетъ въ виду погребаль-

ную ризу Богоматери. «Вмѣсто тѣла Твоего богоноснаго, ризу Твою всѣмъ даровала еси», говоритъ Юсифъ въ своемъ канонѣ на этотъ день и отмѣчаетъ далѣе «Ангели нынѣ сликовствуютъ въ честнѣмъ храмѣ Твоемъ, Чистая, и окружають раку честную и святую Твою (сѣров)». Служба прославляетъ святыню, находящуюся во Влахернскомъ храмѣ. Святыня эта именуется то *esche* — одежда, то *skere* — покрывало, то *mafariou* — повой или ручникъ: такъ именно и переводитъ это слово примѣчаніе греческой минеи — отъ латинскихъ *manus* и *fero*, хотя при этомъ и указываетъ, что и монашеская мантия носила такое наименованіе, очевидно отъ греческихъ *omos* и *fero*. Нашъ славянский переводъ пользуется на 2 іюля словами — одѣяніе и юморъ. Служба же на первое октября усваиваетъ послѣднее слово, совершенно превративъ его въ болѣе знакомое духу — омофоръ, часть архіерейскаго облаченія. Такое употребленіе этого термина даетъ совершенно особое разумѣніе заступленія Дѣвы въ Ея первосвященническомъ служеніи предстоятельницы. Въ этой связи можно отмѣтить описаніе ряда изображеній въ храмѣ великомученицы Варвары (Н. Покровскій. «Христіанское чтеніе» 1888 г., стр. 6: «Церковная старина на Ярославскомъ археологическомъ сѣздѣ»); представляющихъ 6 таинствъ, кроме священства, которое замѣнено коронованіемъ Дѣвы, какъ помазаніемъ, очевидно, на священническое служеніе. Это, какъ бы выводъ изъ словъ службы объ омофорѣ Дѣвы. Все же, главное разумѣніе слова «Покровъ» въ нашей службѣ относится къ понятію заступленія. Оно ближайшимъ образомъ и связано со внутреннимъ смысломъ иконы и праздника, и оно то и даетъ разъясненіе причины установленія и распространенія этого удивительнаго праздника.

Принявъ вѣру изъ Византіи, Русь приняла и Покровительницу столицы ея, какъ заступницу и Покровъ не только столярнаго своего города, но и всѣхъ градовъ, всей страны. Главные каѳедральные храмы, затѣмъ, первый вліятельнѣйшій монастырь Кіева, посвящены были въ малыми и позднѣйшими исключеніями, въ честь Богоматери. Софійскіе храмы имѣли храмовыми днями Богородичные праздники. По лѣтописямъ можно составить цѣлый списокъ Успенскихъ каѳедральныхъ храмовъ въ цѣломъ рядѣ растушихъ городовъ — въ 12, 13 и 14 вѣкахъ: запечатлѣлъ этотъ рядъ всероссійскій каѳедральный Успенскій Московскій соборъ. Богородичная традиція съ раннихъ временъ входитъ особенностью въ вѣрованіе нашихъ предковъ, постепенно и съ силою напоминая о себѣ въ новыхъ храмахъ, явленныхъ иконахъ и сказаніяхъ.

Наша служба на 1 октября въ этомъ смыслѣ является первоосновой для будущихъ вдохновеній къ прославленію иконъ Богоматери въ богослуженіяхъ.

Какъ мѣстная по первоначалу, и составленная для какого то опредѣленнаго храма, служба имѣетъ въ виду какого то одного князя и какой то опредѣленный градъ. Канонъ неизвѣстнаго автора, кажется правленный въ 15 в. Пахоміемъ для Новгорода (?), отмѣчаетъ установленіе праздника на Руси. «Горы и холми украсишася многоименными церквами Твоихъ праздниковъ»: авторъ службы этимъ свидѣльствуетъ, что Русь по преимуществу посвящаетъ свои храмы Богоматери. Къ праздникамъ этимъ онъ относитъ и Покровъ: «Помяни за

ны трѣшняя, Твоего Покрова праздникъ въ Россійстѣй земли прославльшій». Авторъ утверждаетъ установленіе праздника на Руси, не приводя, къ сожалѣнію, ни подробностей, ни уточненій. Тропарь праздника Покрова, прочно засвидѣтельствованный преосв. Сергіемъ, какъ находящійся въ памятникахъ 13 в., даетъ основанія къ нѣкоторымъ выводамъ и уточненіямъ.

Мы указали, что въ нашей службѣ намѣчается, какъ бы въ параллель греческой службѣ на 2 іюля, написаніе ея для опредѣленной церкви. «Приди и нынѣ въ славѣ Твоей въ Твою, Богородице, церковь». «Іерее богомудріи въ церкви Твоей съ людьми благочестивыми предстояще». Можно догадываться о томъ, что эта Богородичная церковь Успенская: первый рядъ стихирь на Господи возвахъ имѣеть характерно успенскія окончанія и, кромѣ того, типично успенскій мотивъ — стихъ 131 псалма: «Воскресни, Господи въ покой Твой», помѣщенъ въ службѣ. Этотъ мелкій наружный признакъ, самъ по себѣ незначительный, можетъ служить для намѣченнаго локализованія зарожденія праздника Покрова, возникающаго какъ мѣстный. Храмомъ, для котораго писана была служба, скорѣе всего могъ быть Успенскій соборъ во Владимірѣ, выростаившемъ въ центральный городъ при Андрѣ Боголюбскомъ. Стихиры и канонъ, писанныя, возможно, позже тропаря, прославляютъ градъ. Тропарь, засвидѣтельствованный, какъ мы указывали, ранѣе всей службы, даетъ полныя основанія думать, что установленію праздника предшествовало прославленіе иконы Покрова: тропарь имѣеть въ виду именно икону: «И къ Твоему пречистому образу взирающе, умильно глаголемъ: покрый насъ честнымъ Твоимъ покровомъ». Авторъ тропаря видѣлъ икону Покрова и въ честь ея составляетъ свой гимнъ. Икона уже существуетъ въ 13 вѣкѣ, въ сложной или упрощенной композиціи. Здѣсь мы встрѣчаемся со случаемъ необычнымъ — иконописное изображеніе даетъ автору вдохновеніе, тогда какъ почти всегда бываетъ обратная зависимость. Позже и служба рисуетъ детали этой иконы. Къ ней присоединяется и связанная съ ней, вѣроятно возникшая уже въ послѣдующія времена, служба въ честь Андрея Юродиваго, носящая въ себѣ слѣды типично Новгородскаго стиля. Службы этой у грековъ также нѣтъ. И та и другая службы часто говорятъ о видѣніи Андрея во Влахернской церкви.

Является неизбѣжно вопросъ: Почему это именно видѣніе, въ житіи Андрея лишь мимоходомъ отмѣченное,⁽⁸⁾ могло возимѣть такое значеніе, и силу къ установленію праздника на Руси, въ то время, какъ Константинополь не отмѣтилъ такого событія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ надо искать въ нашей исторіи, въ совпаденіи историческихъ обстоятельствъ, сходныхъ по сути съ бывшимъ въ Константинополь. Нужно думать, что не только видѣніе Андрея Юродиваго толкнуло установить праздникъ Покрова. Несомнѣнно, оно дало тему, развитую художникомъ на иконѣ въ расширенно Влахернскую картину, сочетающую въ себѣ разныя элементы, отстоящіе одно отъ другаго на большой промежутокъ времени. Но для того, чтобы событіе, происшедшее на чужой почвѣ, стало своимъ по преимуществу, необходимо было особое побужденіе, причина, побуждающая такое усвоеніе.

Въ русскомъ иконописаніи не часты изображенія Богоматери безъ

младенца Христа. Въ первое время русскаго христіанства иконы Богоматери — не говоримъ объ фронтисисы — традиціонны въ изображеніи Сына и Матери. Принесенныя изъ Греціи иконы Богоматери съ младенцемъ дали основной типъ переносныхъ изображеній. Икона Покрова, типа Оранты, отходить отъ такой традиціи.

У Н. Кондакова въ «Иконографіи Богоматери» (стр. 300 и дал.) приводятся изображенія Оранты на такъ называемыхъ обѣтныхъ иконахъ — за правителя или владыку страны. Подобные мотивы покровительства князю хорошо представлены у того же Н. Кондакова въ «Изображеніяхъ русскихъ княжескихъ семей въ миниатюрахъ XI в.» СПб. 1906, помѣщенныхъ въ Трирской псалтири.

Какъ разъ въ нашей исторіи обрѣтается примѣръ такой древней обѣтной иконы, родившейся на Руси по особому случаю. Это икона Боголюбская, изображающая явленіе заступницы — Покрова кн. Андрею Боголюбскому, идущему изъ Кіева, на Владимірское княженіе съ иконой Богоматери съ младенцемъ Христомъ, взятой изъ Вышгорода. Икона позже получаетъ наименованіе Владимірской по своему первоначальному пребыванію во Владимірѣ. Телѣга съ иконой останавливается неподалеку отъ Владиміра. «Ту коня много биша», а конь ни съ мѣста. Здѣсь Андрей получаетъ во снѣ видѣніе Богоматери-Заступницы, молящейся за градъ, который онъ и основываетъ на мѣстѣ видѣнія — Боголюбовъ, отъ котораго Андрей и получаетъ свое прозвище. Андрей приказываетъ изобразить по своему видѣнію Богоматерь въ молитвенной позѣ и строить двѣ церкви Богоматери. Лѣтописи называютъ обѣ эти церкви Богородичными, безъ уточненія во-имя. Это общая манера лѣтописей: даже Софійскіе храмы зачастую именуются просто Богородицами. Преданіе, все же, называетъ одинъ изъ храмовъ Покровомъ на Нерли, относя постройку его къ 1165 г. Многіе изслѣдователи склонны принять, какъ прочное наименованіе храма Покровскимъ, съ момента постройки его. Голубинскій воздерживается отъ такого заключенія, какъ историкъ скрупулезный, основывающійся только на точныхъ данныхъ памятниковъ. Храмъ, дѣйствительно, посвященъ былъ Богородицѣ, но врядъ-ли въ честь Покрова; скорѣе онъ могъ быть посвященъ памяти видѣнія кн. Андрея, съ храмовой иконой Боголюбской. Это видѣніе и было основой и прототипомъ для болѣе поздняго изображенія усложненной композиціи иконы Покрова. Это было духовное зерно иконы Покрова. Боголюбская икона представляетъ Богоматерь въ профиль, какъ въ изображеніи на Суздальскихъ вратахъ, почитающихся первоначальнымъ изводомъ Покрова. Подтверженіе нашему выводу дается при сравненіи иконы Боголюбской Богоматери, одной ея подробности, съ текстомъ записи объ установленіи праздника Покрова въ раннихъ прологахъ, списки которыхъ въ числѣ 9, провѣрилъ Голубинскій (9), и въ числѣ 50 (10) — преосв. Сергій. Прологи относятся къ 12 и 13 вв.

Прологъ Великихъ Чтѣй Миней говоритъ: Октября 1. «Въ той же день празднуемъ Покровъ Святѣй Богородици. О видѣніи святаго Андрея и Епифанія, како видѣша на въздухъ святую Богородицю». Изложивъ вкратцѣ видѣніе, приводимое въ житіи Андрея, прологъ добавляетъ: «Се убо егда слышавъ, помышляхъ: како страшное и милосерд-

ное видѣніе, паче надѣяніе наше и заступленіе бысть безъ праздника? Надѣяже ся Владычице на милосердая Твоя словеса, еже къ Сыну си рече, молящи и глаголющи: Царю небесный, пріими всякаго челоуѣка, славящаго Тя и призывающаго имя Твое на всякомъ мѣстѣ, идеже бываеъ память имени Моего, святы мѣсто сіе и прослави прославляющія Тя именемъ Моимъ, пріемля ихъ всяку молитву и обѣтъ».

Пишущій это слышалъ житіе Андрея Юродиваго, поразившее его, но повѣствуетъ объ иномъ видѣніи, приводя молитву, не находящуюся въ повѣствованіи объ этомъ явленіи. Въ житіи Андрея нѣтъ и слѣда такой молитвы. Намѣреніе установить праздникъ все же связано съ видѣніемъ Андрея Юродиваго. Молитва же относится къ освященію какого то иного, чѣмъ Влахерны, мѣста, которое должно почитаться святымъ.

Далѣе прологъ объ самомъ установленіи праздника: «Тѣмъ словесемъ надѣяся, восхотѣхъ, да не безъ праздника останеть святыи Покровъ (11) Твой, Преплагая, но якоже хошеши украсити честный праздникъ Твоего Покрова, Всемилостивая, украси, да и прославляющія Тя възвеселятся, видяше многоименны Твоя праздники сіяюща; и якоже тамо сущія народы въ церкви милостивно покры, тако и насъ грѣшныхъ рабъ Твоихъ покрыи кровомъ крылу Твоею, низлагаючи съвѣты же и думы помышляющихъ на ны злая, и спаси ны по милости Сына Твоего въ сей вѣкъ и въ будущій и вся притекающія къ Тебѣ съ страхомъ и вѣрою и надѣющіяся на Тя, скорое наше заступленіе и помощь. Устави же ся таковыи праздникъ мѣсяца октомврія въ 1 день, въ память святаго апостола Ананія въ славу Отца и Сына и Святаго Духа».

Вторая часть записи приравниваетъ видѣніе бывшее «здѣ» къ Андрееву, бывшему «тамо». Молитва первой части, очевидно, взята изъ другого явленія. Праздникъ устанавливается кѣмъ то, кто могъ исполнить свое «восхотѣхъ» и причислить его къ уже существующимъ многоименнымъ праздникамъ въ честь Богоматери, какъ установленіе новое, имѣющее въ виду заступленіе «здѣ» отъ «свѣтовъ и думъ помышляющихъ на ны злая».

Отсутствующая въ греческомъ житіи молитва «Царю небесный...» помѣщается въ прологъ, какъ уже извѣстная у насъ. Эта молитва записывается въ прологъ знающимъ эти словеса, произнесенныя Богоматерію при какомъ то видѣніи. Свитокъ, находящійся въ рукахъ Богоматери на Боголюбской иконѣ, и носитъ какъ-разъ это написаніе. Иконное изображеніе передаетъ прологу изложеніе молитвы, полученной въ видѣніи и появившейся ранѣе установленія праздника и ранѣе иконы Покрова. Даже если допустить обратное, т. е., что прологъ передать свитку иконы слова молитвы, то древнее наименованіе ея Боголюбской даетъ указаніе на то, что молитва эта ведетъ свое начало со временъ Андрея (12). И при этомъ остается въ силѣ положеніе введенія въ практику иконописанія на Руси Оранты.

Считая предположеніе о передачѣ обѣтной иконой Андрея Боголюбскаго своей основной темы заступленія сложной композиціи иконы Покрова, дошедшей до насъ въ болѣе позднемъ изводѣ, вполне допустимымъ, возможнымъ и даже вѣрнымъ, мы получаемъ «terminus a quo» появленія иконы Покрова.

1

Андрей отправляется из Вышгорода в сопровождении жены Улиты, попа Микулы и дьякона Нестора с иконой Богоматери, присланной патриархом Константинопольским отцу его, в 1155 г. Явление ему Богоматери и основание Боголюбова происходит тотчас же после этого явления, запечатленного на заказанной Андреем по видению икон, вскоре после этого года, т. е. в 1156—1157 гг. Последняя дата принимается историками охотнее. Святцы 13 века уже включают праздник ПОКРОВА и даже тропарь и кондакъ ему. Надо положить известное время на то, чтобы частный праздник получил распространение всероссийское, что повлекло и помещение его в русские святцы. При этом соображении мы без труда подойдем к периоду между 1157 г. и концом 12 в. Несомненно, что праздник установлен лицом влиятельным: быстрое распространение его и внесение в пролог слова этого лица об назначении для праздника дня 1 октября показывает, что акт этот произведен к тому известным и обладающим властью и, при том, лицом не духовным. Служба не упоминает о таком, а это было в обычае у нас: отмстить или Владыку-епископа или же обитель, начинающую празднование. Андрей был убит в 1174 г. Позволительно расположить в его время начало праздника и даже почти с достоверностью предположить, что он и был тем, кто установил праздник. Тогда и слова службы о каком-то князе и граде, врученном Богоматери получают разъяснение почти достоверное.

Мы встречаемся здесь с поражающим накоплением как бы случайных исторических совпадений, родственных по своему существу. Можно добавить еще одно. Явление Богоматери Андрею Юродивому, слышанное одноименным ему князем, получившем также видение, хотя и иного рода, легко могло возбудить в нем ревностное желание прославить Богоматерь-Заступницу и он берет в основу жития, т. е. то, что почиталось на Руси Писанием. Но, все же в скупых словах пролога проглядывает и его собственный опыт духовный. В практике Андрея Боголюбского уже числилось заветно: в нашей истории установление праздника Всемилостивому Спасу и Богородице 1 августа⁽¹³⁾. Весьма любопытно то, что русское иконописание иногда дает на одной доске свод праздников какой-либо области, так сказать икону ея святых. У Н. Лихачева, в описании собрания П. М. Третьякова (стр. 49), находим сборную икону, несомненно Владимирской области. На ней изображены иконы — София в центре и в окружении: Спас, происхождение честных древей (1 августа), Воздвижение Креста, далее — Зачатие Анны, Рождество, Введение Божией Матери, Покров, Соборъ Ея, положение ризы и пояса, и сретение Владимирской иконы. Здесь сочетаются две линии праздников: Креста, связанного литургической практикой с празднованием Спаса и Богородицы 1 августа, (праздником, установленным Андреем) и ряда Богородичных праздников — в частности Покрова, связанного с Влахернским праздником положения ризы и пояса, и Владимирской иконы, помещенной Андреем в соборъ Владимира. В намерении иконописца было отмстить в серии уже известных вели-

ких праздниковъ, возникшіе при Андрѣе праздники Спаса, Покрова и Владимірскую икону, какъ древнюю областную святыню.

Появленіе иконы вызвало написаніе тропаря въ ея честь. Вслѣдъ за этимъ началось и строеніе храмовъ во имя Покрова. Первое точное наименованіе храма Покровскимъ находится въ лѣтописи подъ 1305 г. — въ Новгородѣ, на Дѣтинцѣ (см. «Новгородская лѣтопись». М. 1950). Это былъ первый храмъ, посвященный въ честь иконы Богоматери. Церковь въ честь Знаменія Новгородскаго построена была позже. Это было начало обычая посвященія храмовъ въ честь иконъ Богоматери — Казанскихъ, Знаменскихъ, Скорбященскихъ и т. д.

Икона Покрова дошла до насъ, вѣроятно, въ позднѣйшихъ копіяхъ. Копіи эти представляютъ нѣкоторое разнообразіе. Мы высказали предположеніе, что Пахомію въ 14 в. уже извѣстна была икона Новгородскаго извода, наиболѣе сложной композиціи, отличающейся введеніемъ въ нее многихъ персонажей, связанныхъ единствомъ мѣста, но не времени. Н. Лихачевъ считаетъ, что на древнѣйшихъ иконахъ Покрова не было изображенія Романа Сладкопѣвца, помѣщенного позже по благодатному совпаденію датъ празднованій. Нашъ прологъ упоминаетъ на день 1 октября лишь память св. ап. Ананіи. Надо сказать, что лѣтописи, отмѣчая даты событій, обычно упоминаютъ одну память, падающую на день событія, хотя бы ихъ было и нѣсколько на этотъ день. Такъ, напримѣръ, въ Троицкой лѣтописи, подъ 1340 годомъ, день 1 октября значится подъ упоминаніемъ только Покрова, вѣроятно уже особо торжественнаго дня для Владимірской области: Кн. Семенъ Ивановичъ интронизированъ «на столѣ во Володимірѣ въ величій и соборнѣй церкви святѣи Богородицы на великомъ княженіи всеа Русіи мѣсяца октоврія въ 1, на память честнаго Покрова святыя Богородица» (см. подъ датой «Троицкая лѣтопись», М. 1950).

Въ службѣ можно найти косвенное подтвержденіе тому, что празднованіе Покрова связывалось съ памятью пр. Романа. Мелкая подробность, отличающая кондакъ Покрова, даетъ основаніе утверждать, что авторъ его имѣлъ въ виду или совпаденіе датъ, или же, также, какъ и Пахомій, отмѣтившій безъ иныхъ основаній присутствіе царя и патріарха при видѣніи, видѣлъ изводъ иконы съ Романомъ. Кондакъ представляетъ собой литературное заимствованіе именно у самого Романа. Кондакъ Покрова беретъ за образецъ не только гласъ и общее строеніе извѣстнаго рождественскаго кондака, писаннаго Романомъ, но и заимствуетъ изъ него цѣлыя выраженія и поэтическіе обороты. Этотъ кондакъ почти неизмѣнно пишется на свиткѣ въ рукѣ святого на его иконахъ. Нарочитое или благодатное совпаденіе празднествъ этимъ весьма отмѣчено. Но, скорѣе всего, иконное изображеніе и дало автору кондака вдохновеніе отмѣтить и пр. Романа подражаніемъ ему.

Кто касается даты празднованія, то здѣсь, возможна лишь догадка. Быть можетъ, на выборъ ея повліялъ бывшій на Руси въ ходу греческій обычай отмѣчать начала мѣсяцевъ — новомѣсячія. Отъ него у насъ остались лишь слѣды въ видѣ освященія воды 1 августа и 2 февраля (вмѣсто 1 февраля, на день мч. Трифона у грековъ). Праздникъ Спаса и Богородицы помѣщенъ былъ на 1 августа, 1 сентября праздновалось церковное новолѣтіе и ближайшее первое число октября было

взято, какъ удобное для празднованія: наступалъ послѣ сбора урожая осенній покой ⁽⁴⁾.

Здѣсь любопытно отмѣтить попытку объясненія избранія этой даты для праздника Покрова другимъ соображеніемъ, исходящимъ изъ католическихъ круговъ довольно отдаленнаго прошлаго. Въ житіяхъ святыхъ на французскомъ языкѣ, изданія 1739 г., приводится соображеніе, что 1 октября было избрано въ соотвѣтствіи и по аналогіи съ празднованіемъ на 40 день по Воскресеніи Вознесенія Спасителя. Такъ какъ сороковой день пришелся бы послѣ Успенія Богоматери, 15 августа, на 23 сентября, праздникъ Предтечи, то его «октава» заставила расположить праздникъ на 8 дней позже.

Икона Покрова, совмѣщая въ себѣ разные по времени мотивы, какъ бы уходитъ отъ земныхъ рамокъ опредѣленія ея, какъ изложенія одного лишь событія явленія Андрею Юродивому Богоматери. Задачей иконописца сложной композиціи, было представленіе и нѣкоего догмата. Кромѣ понятія заступленія и предстательства Богоматери, иконописецъ видѣлъ и изобразилъ на иконѣ Покрова образъ церкви, въ ея условномъ раздѣленіи на церковь торжествующую и церковь воинствующую, небесную и земную, единую и соединенную подъ общимъ кровомъ, на которомъ изображенъ Христосъ, глава Церкви, благословляющій, и архангелы, служащіе Ему. Въ этомъ смыслѣ наружная кровля, неожиданно возвышающаяся надъ внутреннимъ, взятомъ въ разрѣзѣ, изображеніемъ храма, имѣетъ задачей указать на единство и цѣлостность изображеннаго внутри храма служенія небесныхъ и земныхъ. Н. Пунинъ, въ сборникѣ «Русская икона» СПб, 1914 г., пишетъ: «Волненіе и слава неба опираются на глубокую, спокойную вѣру земли». Это та же мысль о единствѣ церковномъ, въ разномъ выраженіи его, но основанная на наблюденіи художника, созерцающаго мастерское изображеніе иконописца. Но иконописецъ продуманно и намѣренно отличаетъ въ одной подробности изображенія чина служенія и порядка церковнаго земныхъ и небесныхъ. Въ изображеніи нижняго плана онъ располагаетъ въ соотвѣтствіи съ принятымъ, по неписанному правилу, порядку расположенія въ церкви молящихся — царицу и ея свиту слѣва, съ самаго края композиціи, тогда, какъ параллельное этому изображеніе лика преподобныхъ женъ, обращенное лицомъ ко внутренности храма, ко входу въ него, находится въ верхнемъ планѣ справа. Этимъ отмѣчено предстояніе земныхъ передъ алтаремъ храма, тогда какъ небесные молитвенники (и св. Романъ на амвонѣ) сослужаютъ: они обращены къ народу, какъ иконостасъ, и потому ликъ женъ, занимая на небѣ то же положеніе слѣва, расположенъ справа: это изображеніе земной литургии, какъ отраженія небесной. Удлиненная фигура Дѣвы служитъ изображеніемъ моста и соединенія земныхъ и небесныхъ. На Руси позже ходило толкованіе Дѣвы, какъ церкви (см. службу Софіи Премудрости Божія кн. Симеона Шаховскаго).

Иконописный подлинникъ «М. 1903 г.» даетъ указаніе изображать кровлю на иконѣ Покрова о пяти верхахъ. Такое указаніе могло образоваться изъ лѣтописнаго показанія о томъ, что Андрей построилъ Успенскій соборъ во Владимірѣ о пяти золоченыхъ верхахъ въ 1158 г. Кровля, пятиглавая или многоглавая, всегда отличается чисто русскимъ

стилемъ. Храмы постройки Андрея, по лѣтописи, созидали и расписывали иноземные мастера. Можно думать, что дошедшая до насъ икона, опредѣляемая 15 вѣкомъ, есть копія, писанная съ образца, составленнаго на Руси иноземнымъ мастеромъ. Кровля храма на иконѣ, по опредѣленію Кондакова (Русская икона), имѣеть стиль русской и напоминаетъ, скорѣе всего, Софію Новгородскую. Рядомъ съ кровлей помѣщена конная статуя императора Юстиніана, по мнѣнію большинства изслѣдователей должнствующая играть роль географическаго указанія на Софію Константинопольскую. Такое указаніе страдаетъ неточностью: оно не соотвѣтствуетъ мѣсту явленія Богоматери Андрею, происшедшему не въ Софіи, а во Влахернскомъ храмѣ. Такимъ образомъ, смыслъ этого характернаго признака Юстиніановой Софіи теряется. Это клеймо, насколько знаемъ, единственное на иконѣ, писанной на Руси, позволяетъ думать, что иконописецъ былъ иностранцемъ, знавшимъ эту подробность и помѣстившимъ ее рядомъ съ кровлей русскаго храма, видѣнной имъ въ натурѣ, съ инымъ какимъ то намѣреніемъ. Иконописецъ заставляеть, введя въ соблазнъ и Пахомія Серба, присутствовать при видѣніи царя и патріарха, что въ житіи, давшемъ тему иконѣ, никакъ не отмѣчается. Въ 15 в. въ Константинополь путешествовалъ нашъ паломникъ Зосима, отмѣтившій расположеніе статуи у Софіи. Врядъ-ли иконописецъ бралъ повѣствованіе Зосимы для нежданнаго и поздняго помѣщенія и этой подробности въ своей сложной композиціи. Вѣрнѣе, что статуя ему была извѣстна въ своемъ видѣ и на своемъ мѣстѣ. Иконописецъ могъ быть грекомъ или южнымъ славяниномъ: клейма Юстиніана встрѣчались на болгарскихъ раннихъ иконахъ.

Помѣщеніе этого изображенія могло имѣть иное значеніе въ связи съ исторіей кн. Андрея. Здѣсь опять мы имѣемъ дѣло съ историческимъ совпаденіемъ. Клеймо это имѣло цѣлью отмѣтить изображенный храмъ, какъ Софію. Софійскіе храмы у насъ отмѣчаютъ княже-митрополичьи города первенствующаго значенія: Кіевъ, Новгородъ. Андрей намѣревался превратить Владиміръ въ главный центръ государства, который замѣнилъ бы раззоренный Кіевъ. Онъ хотеть сдѣлать изъ Владиміра сѣверный Кіевъ. Не даромъ строить онъ Золотые и даже Серебряные ворота, переименовываетъ рѣчки въ Лыбедь и Почайну, находитъ и Подоль, строить соборъ по образцу великія Печерскія церкви (Гол. стр. 302), но не называетъ его Софіей, хотя и имѣеть къ тому вождельніе. Онъ не имѣеть на это права, но ищетъ его. На его времени какъ-разъ и обрывается Софійная традиція и зарождается чисто русскій обычай строить главные храмы въ честь Успенія.

Лѣтописи повѣствуютъ о томъ, что Андрей собирався завести у себя автокефальнаго митрополита, въ чемъ патріархъ Константинопольскій отказалъ ему. Его епископъ, по началу отмѣчаемый лѣтописью, какъ мудрый церковный дѣятель, въ дальнѣйшемъ повѣствованіи той же лѣтописи, оказывается татемъ, разбойникомъ Ѳеодорцомъ, казненнымъ въ мученіяхъ Кіевскимъ митрополитомъ, послѣ того, какъ сосѣдніе князья и ихъ епископы — въ ихъ числѣ и знаменитый Кириллъ Туровскій — воспрепятствовали незаконной затѣѣ Андрея. Помѣщеніе на иконѣ Покрова клейма должно было польстить князю для котораго писалась икона въ растущемъ и набиравшемъ силу Владиміръ.

Позднѣйшія иконы Покрова идутъ по двумъ условнымъ группамъ — Новгородской и Московской. Клеймо часто уже не помѣщается, какъ непонятное, и значенія не представляющее. Оба типа иконы Покрова передають въ сущности одну и ту же тему заступленія, данную примитивомъ Боголюбской иконы, послужившей для развитія иконописной и словесной формы прославленія праздника Покрова, возникшаго и укрѣпившагося на Руси въ связи съ ходомъ ея исторіи.

* * *

«Вышній Покровъ надъ Аеономъ», Москва, 1892, на стр. 147, въ примѣчаніи, сообщаетъ. «Греческая церковь въ наше только время начинаетъ вводить въ составъ церковныхъ празднованій Покровъ Божія Матери». Въ чемъ выразалось это празднованіе, мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ перевода нашей службы на Покровъ намъ обнаружить не удалось и, скорѣе всего, его и не было, такъ какъ въ этомъ году напечатана была, съ благословенія Архіепископа Эллады и Св. Синода, новая служба по случаю освобожденія Греціи отъ оккупационныхъ войскъ въ минувшую войну. День празднованія приуроченъ къ государственной датѣ — 28 октября. Служба составлена келліотомъ Герасимомъ на Святой Горѣ. Въ службѣ лишь изрѣдка упоминается видѣніе св. Андрея во Влахернской церкви, какъ примѣръ заступленія Богоматери. Главнымъ мотивомъ службы является — благодареніе за избавленіе Греціи отъ современныхъ опасностей.

Θ. Спасскій.

ПРИМѢЧАНІЯ:

1) См. у преосв. Сергія «Подный мѣсяцесловъ Востока», т. 2. М. 1876 г. подъ числомъ.

2) Е. Голубинскій, Исторія Русской церкви, т. 2, вторая половина тома, М. 1904, стр. 178.

3) П. Н. Ф. Исторія богослужебныхъ пѣснопѣній православной каволнческой восточной церкви, изд. 3, Кіевъ, 1884, стр. 201.

4) «Сводный иконописный подлинникъ 18 в.». М., стр. 58.

5) Гол. Т. 2, стр. 400-406.

6) И. Успенскій. Очерки по исторіи иконописанія, СПб, 1895, стр. 15, формулируетъ это положеніе такъ: «Икона это въ краскахъ и фигурахъ исповѣданіе вѣры и такая же свидѣтельница православнаго церковнаго ученія, какъ православная церковная книга».

7) Св. В. Яблонскій. «Пахомій Сербъ и его агіологическія писанія». СПб, 1908, стр. 126-129.

8) См. *Vitae Sanctorum* и Вел. Четыи-Минен, Октябрь, дни 1-3.

9) Гол. т. 2, стр. 406.

10) «Приходское чтеніе», упом. въ текстѣ.

11) Здѣсь и далѣе Покровъ означаетъ заступленіе, о которомъ говорится и въ текстѣ молитвы.

12) Пр. Сергій въ «Странникѣ» 1900 г. въ статьѣ «Русская литература объ иконахъ Богородицы въ XIX в.» стр. 206, говоритъ: «Собственно русскихъ иконъ, написанныхъ въ Россіи, можно насчитать немного: таковы, наприимѣръ, Покрова Божія Матери, Боголюбская, явленіе Богоматери св. кн. Андрею...» Н. Кондаковъ «Русская икона», Прага, 1933, текстъ стр. 332: «Боголюбская икона, по преданію принесенная еще въ 1157 г., явилась у насъ на Руси, какъ памятникъ Византійскаго искусства и древнѣйшихъ княженій въ средней Руси». Въ преданіи нѣтъ свѣдѣній о принесеніи иконы. Оно сообщаетъ о заказѣ Андрея написать икону, возможно и иноземному мастеру; такіе мастера распивали соборъ, построенный Андреемъ во Владимірѣ.

13) По Бѣлозерской псалтири числилась и память Андрея Боголюбскаго 1 августа, хотя убитъ онъ былъ въ ночь на 29-30 іюня. (Сер.).

14) Арх. Филаретъ предположилъ, что видѣніе Андрею Юродивому было за воскресной всенощной, въ томъ году бывшей 1 октября. Статья А и Б въ «Христіанскомъ чтеніи» 1863 г., т. 3, указываетъ рядъ годовъ, въ которые воскресенія приходились на 1 октября для опредѣленія года видѣнія. Это 888, 893, 899 и 910. Скорѣе можно предположить, что явленіе произошло въ пяткъ, когда во Влахернахъ происходили особыя службы и «обычное чудо» взятія покрова съ иконы. См. у Гол. и Кондакова.